

КАРОТАЖНИКИ

Мурад Реджепов

Мурад Назарович Реджепов

КАРОТАЖНИКИ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70641715

SelfPub; 2024

Аннотация

Нелегкий труд разведчиков недр, их мужество и стойкость в борьбе с природными и жизненными невзгодами. История начала профессионального становления молодого инженера-геофизика. Та боль и страдания, которые пережил в борьбе с природой, и с самим собой. Но в основном это не о проблемах и невзгодах – она о любви. О любви к приключениям, кочевому образу жизни и работе на свежем воздухе, подальше от начальства.

Мурад Реджепов

КАРОТАЖНИКИ

Подстава

День начинался просто отлично! Закончен последний “work meeting”. Сданы материалы по скважине и подписаны акты выполненных работ – итог двух бессонных ночей. Обсуждены оставшиеся рабочие вопросы. Все, всем, и друг другом довольны!

У меня не было желания спорить и портить благостную атмосферу совещания. Хотелось скорее уехать в отгул. Лишь в конце, ещё раз напомнил начальнику буровой, “мистеру” Джону, мужику в возрасте, а ля батя, о проблеме – сужении напротив глинистых пород. Прослеживалось это на нескольких диаграммах, и требовало максимального внимания в работе, а также спуска с проработкой в интервале.

С чувством исполненного долга направляюсь к двери. Едва выйдя из прохладного модуля, чувствую, как горячий воздух окружил меня со всех сторон. Вокруг изнуряющая жара и обжигающий зной песков. А навстречу мне, пошатываясь, бредёт группа загорелых мужиков криминального вида, с большими сумками в руках, сплошь покрытых татуировками. Что-то оживлённо обсуждают на ходу. О чём разговор не понятно, но каждое второе слово “фак”. Быстрым шагом

выхожу через проходную лагеря и вижу еще одного такого красавца. Его под руки выгружают из подъехавшего автомобиля двое секьюрити. Видно, что над его лицом хорошо поработали профессиональные визажисты.

– Кто его так разукрасил, – спрашиваю у стоящего рядом водителя, – и за что?

– Этот чудак на букву “эм”, напился и приставал в кафе к девушке – официантке, – отвечает, закрывая дверь. – Вот его местные и отбучкали. Хорошо живой остался, австралиец хренов.

Теперь всё ясно. “Мистер” Джон говорил, что сегодня перевахтовка у буровиков. Канадцев, с которыми мы нормально проработали последние двое суток, должны были сменить. Значит это австралийцы. Не зря англичане туда всех своих уголовников ссылали. Чувствуется тяжёлая наследственность. С этими мыслями, запрыгиваю в ожидающий меня уазик.

– Погнали, – говорю водителю, – быстро!

По обеим сторонам громоздятся барханы. Пробитая через них гравийная дорога, через полчаса выводит на асфальт. Остановка у первого встречного дукана и... Лёгким движением откручивается крышка, первый глоток, потом ещё и ещё... Уходит напряжение последних дней, проходит усталость, жизнь вновь играет яркими красками. За открытым окном уазика, солнце заходит за деревья, по южному быстро темнеет, сумерки нагоняют тоску... Но тебе не грустно, ведь

ты едешь домой...

Эту идиллию, на полпути до дома, прервал звонок диспетчера на сотовый.

– На буровой прихват, – услышал я в трубке, – быстро возвращайся! Партия с материалами уже выехала. На тебе руководство.

В ответ на попытки отказаться в матерных выражениях, показать характер по аналогии с членом – чем твёрже, тем лучше – услышал:

– Знаешь, характер, как и член, не всем надо показывать. Я был страшно недоволен! Внутри все прямо клокотало от злости! Но... Всегда есть, но ...

Следующим был звонок начальника управления.

– Ответственность за порученное дело – это опыт, чем больше опыта – тем более ответственным становится человек. А что такое опыт? Это стрессы – внештатные ситуации, из которых состоит наша работа. Короче, ты самый опытный и тебе расхлёбывать ситуацию на буровой. – И звуки отбоя в телефоне.

После короткой лекции руководства, оставалось только взять под козырёк.

– Разворачивай, – говорю удивлённому водителю, – давай назад, на буровую, быстро!

Ничего не сказав, только с намёком постучав себя по лбу, разворачивает машину. За что его уважаю – это умение молчать. Очень важная черта для человека, с которым прово-

дишь в дороге часть жизни.

На буровую приезжаем глубокой ночью. Здравуюсь с ребятами из аварийной партии, которая уже пару часов ждёт на месте. Выясняется, что через проходную, на территорию лагеря нас не пускают – говорят ждите утра. Пройдёте инструктаж, потом “work meeting” – планёрка по-нашему, распишитесь в журнале по технике безопасности. А вот потом, можете заезжать на территорию и начинать работать.

Всё это, нам объясняет стоящий на проходной секьюрити, молодой парень. На просьбу вызвать “мистера” Джона, или кого-нибудь из руководства – получаем отказ. Связаться по рации, болтающейся у него на поясе – ответ, что “все уже спят”. Признаться, мы в шоке! Прихват инструмента, десятки миллионов долларов на кону, каждая минута на счету, а тут – “все спят”?!

Раз такое дело, мы тоже ложимся отдыхать, хотя уже светает. Часа через три, меня будит начальник партии – время утренней связи. Даём сводку за прошедший день и сегодняшнее утро – мол, мы давно на месте, но к работе не приступали. Умывшись, только собираемся перекусить, как прибегает представитель заказчика, с приглашением всех на завтрак в столовую. Вот за что уважаю инофирмы, так это за организацию рабочего питания. Шведский стол и четыре блюда на выбор. Из напитков чай, кофе и холодный компот.

Плотный перекус, плавно переходит в тренинг по технике безопасности. Проводит её, новый менеджер, местный кадр,

видимо только прибывший на вахту. Среднего роста, черно-волосый, с не загорелым лицом и чересчур серьёзным отношением к своей работе. По-моему, большинство тренингов как публичный дом без шлюх. Люди идут за сексом, а их учат правильно дрочить. Кретинизм объяснять, что нельзя в сапогах становиться на фарфоровый унитаз и показывать слайды с последствиями этого для промежности. Или указание носить всё время каску. Даже на совещаниях и тренинге! Даже в туалете!!

Затем следует планёрка у начальника буровой или по-ихнему супервайзера. Тут выясняется, что о прихвате сообщено в Дубайский офис и они ждут оттуда указаний. Но учитывая разницу во времени, это будет не раньше обеда. Пытаюсь объяснить, что нельзя ждать, авария усугубится и надо срочно начинать работы. Ссылаюсь на физику сольватации глин и свой опыт. Показываю диаграммы, где видно, как сужается диаметр ствола скважины во времени... Дохлый номер!

– Без указаний сверху, никаких работ, – сказано супервайзером на английском языке, но понятно и без перевода. – Заезжайте на территорию и ждите!

Ну и ладно! В начале девяностых прошлого века, пытался я устроиться на работу в одну инофирму. Прошёл два собеседования. На третье приехал региональный директор. Всё шло отлично до того момента, как он поинтересовался, что мы делаем с аппаратурой, отказавшей на скважине. Я ответил – в связи с удалённостью от баз, по мере возможности

ремонтируем на месте. Сами. И что тут началось!

– Ни в коем случае, нельзя этого делать! Надо ждать указаний, а затем их выполнять! – Хватаясь за голову, говорил он, – ждать и выполнять!

На том и разошлись. Так что, ничего нового, улыбаемся и пашем. Показываем супервайзеру пальцами «окей» и уходим ждать указаний.

После обеда начинается оживлённое движение на буровой. Видимо получили добро из Дубаи. Однако многочисленные попытки, силой выдернуть инструмент, ни к чему не приводят. Нет и циркуляции раствора. Ближе к вечеру новый “work meeting” и после утверждения плана аварийных работ, в дело вступаем мы.

Много времени занимает заправка нашего кабеля через “Top drive”. Это так называемый верхний привод, устройство, которое обеспечивает вращение бурильной колонны. Поэтому результаты, по определению места где зажало трубы, получаем только к утру. Пока это пятьдесят метров от низа, а остальные три с половиной тысячи свободны. Выходим с предложением открутить на этом месте инструмент. Но тут выясняется, что нижняя часть компоновки, это LWD. Так называются приборы для исследования скважин во время бурения, стоимостью в несколько миллионов баксов. Опять ожидание указаний из Дубаи.

Поступает оно, почти через сутки, следующим утром, из штаб-квартиры подрядчика, находящейся в Хьюстоне, через

заказчика в Дубаи. Нам предлагается восстановить циркуляцию, с помощью перфорации трубы над долотом. После утверждения нового плана аварийных работ, начинаем сборку малогабаритных перфораторов. Ближе к вечеру производим отстрел и – Ура, ура... – циркуляция появляется.

Буровики промывают скважину до утра, время от времени пытаюсь выдернуть инструмент. Но всё неудачно. Ждём указаний.

Ещё через сутки, после нового определения места прихвата, выясняется, что теперь не свободны двести пятьдесят метров труб и пропала циркуляция раствора. Ещё немного остаётся до обсадной колонны и потом скважине хана – можно ликвидировать. Ждём.

Приходит указание, оборвать трубу шашечной торпедой в свободном месте. Спускаемся в интервал работ, небольшой перепуск, для точной установки на муфте и ... Не идёт... Вниз идёт, а вверх не идёт... Первое впечатление, что в трубы попал посторонний предмет. Но как, и когда? Во время циркуляции или подготовки торпеды? Да нет, это невозможно!

Начинаем выяснять глубину остановки, по нагрузке на нашем кабеле. И – Опа на – кабель не вытягивается!!! Глубина за три с половиной километра, кабель новый, вытяжка должна быть около пятнадцати метров, а её нет! От слова совсем!!!

Обращаемся к начальнику буровой, мол давай ищи, что держит наш кабель в вашем “Top drive”. Сразу все забега-

ли, засуетились, полезли проверять систему роликов и ввод в верхний привод. Безрезультатно! Ролики крутятся, ввод чист, а кабель с торпедой на конце вверх не идёт. Только вниз. Решаем оставить всё как есть, но под нагрузкой в пол тонны.

Связываемся со своим руководством, объясняем ситуацию. Ждём указаний. Буровики делают тоже самое. Ответ из Дубаи моментальный – пусть рвут кабель и уезжают. Пытаюсь объяснить, что проблема наверху, с их оборудованием. Не хотят понимать. Рвите и всё... Время – деньги, простой бурильного станка, оплата вахтовиков, нарушение сроков договора... Мол, мы их задерживаем. Но к счастью, наше руководство, нас поддержало.

– Кабель ни в коем случае не рвать, ждать указаний. В противном случае, вся вина за аварию ляжет на вас.

Ищешь место подальше от чужих глаз, чтобы спокойно покурить и отвлечься от стресса. Находишь, садишься, достаёшь пачку. Откуда-то выходит местный геолог и садится рядом. Как из-под земли появляется менеджер по технике безопасности и указывает рукой на табличку “Не курить”. Приходится перебраться в запретную зону, огороженную красными флажками и лентой, заставленную нашими ящиками со взрывчаткой.

Ах, как же приятно выкурить сигарету в одиночестве. Медленно, расслабленно, с наслаждением, набрать полную грудь и выпустить тонкую струйку дыма. Не переживая ни

о чём. Наблюдая, как ходит в отдалении менеджер, не смея пересечь запретную линию. Это наша территория. Не, ну вот гад, да? Был такой белый и пушистый на тренинге. А сейчас весь из себя независимый, ходит где хочет, смотрит с презрением, вынюхивание нарушений для него работа. Настоящий стукач.

Уже неделя, как аварийная скважина держит всех в напряжении. Это выбивало из колеи, общение с заказчиком становилось всё накалённее, но сейчас мне было слишком хорошо, чтобы беспокоиться.

Перекурив, иду к супервайзеру на очередную планёрку. Досконально объясняю ситуацию и говорю, что прихват нашего кабеля, это вина буровиков. Показываю диаграммы и документы, с расчётами удлинения кабеля. Задаю вопросы по устройству “Top drive” и превенторов. Больше никакого “мистер” Джон. Только на “ты”. Припомнил ему и наше предупреждение о возможности прихвата. Он меняется в лице и в шоке от такого наезда, не совсем понимая, как реагировать. Всё это через переводчика, в присутствии геологов и прочих менеджеров. В результате, договариваемся провести более тщательную проверку бурового оборудования.

Часа через два, с радостным воплем, прибегает наш машинист подъёмника.

– Натяжение упало, кабель свободен и можно начинать работать!!!

– Отлично, поднимай в интервал отстрела торпеды. – Ста-

вим мы ему новую задачу. – Только аккуратно.

Дальше дело техники. Отстрел и полный ”вира” наверх. Быстро и весело убираем своё оборудование, а буровики начинают подъём свободной части труб, со злыми и недовольными лицами. Наши партийцы расслабились. Шутят легкомысленно и бесшабашно, чувствуя скорый отъезд домой. Юмор вообще защищает от стресса и лишних переживаний. Так что, хороший юмор говорит о многом.

Следующий день начинался просто отлично! С утра позавтракав, благодарим повара – автора оргазмических супов и бомбических котлет. А также, официанток – симпатичных, молодых девчат. Подписываем у ”мистера “ Джона необходимые бумаги и идём на выход из лагеря, за которым ждут наши ребята. Заходим на проходную и... Двое секьюрити и менеджер по технике безопасности копаются в наших вещах. На резонный вопрос, что происходит, ТБШник заявляет:

– Видите бутылку. Ваша? – Повернувшись спиной к нам, показывает её присутствующим. – У нас запрещен алкоголь на буровой. Мне придётся подать на вас рапорт.

Это та самая, недопитая бутылка джина, купленная в дороге домой, неделю назад. Не знаю, что было в башке у этого придурка, но наказание последовало моментально. Хватаю его за воротник и заваливаю на стол с разложенными сумками. Отбираю бутылку и пытаюсь трахнуть ею по голове. Вырывает каска на его тупой башке, слетающая от удара. Вырвавшись, он выскакивает за дверь и бежит в сторону лагеря.

Шум, гам, крики и мат висят в воздухе. В горячке пытаюсь его догнать, но секьюрити закрыли собой дверь и не пускают. И ржут при этом.

– Он всего неделю работает, а уже всех достал своими порядками! – Придерживая меня, говорит охранник. – Даже женщин приходится обыскивать. Спасибо вам, что наказали его.

Сажусь в уазик. Да... нервы ни к чёрту... Наваливается усталость. Сильнейшая. Давно я так не уставал. Машу рукой нашим ребятам в машинах – поехали. В другой руке, у меня есть мощное средство от всего. Хорошо, что не разбилось. Нестерпимо хочется выпить. Вот прямо здесь и немедленно. Нужно и все. Некоторые говорят, что выпивать одному – это алкоголизм. А мне кажется – нормально. Не зря дедушка Некрасов говорил что-то вроде, “до смерти мы работаем, до полусмерти пьем!”

Шелест колёс по дороге... припекает... прячешь глаза от палящего солнца под козырёк... смотришь на вихри песчаных джинов, убегающих вдаль... лёгкий ветерок в лицо... слишком хорошо, чтобы о чём-то беспокоиться. В отражении бокового зеркала вижу взрослого, подуставшего мужика. М да... никак не привыкну, что нет того пацана, который пришёл на эту работу в поисках приключений. Представлявшим в мыслях картины ночной пустыни, с огромной луной и блёстками звёзд на иссини-чёрном небе. Засыпанные песком развалины. Заросли саксаула с воем шакалов, рыбалкой

на берегу реки и охотой в тугаях.

Вообще-то, всё это было... Но совсем не так, как представлялось по молодости. Вот зачем мы живем? Ведь казалось, что приходим в этот мир ради приключений. А потом происходит магическая амнезия, стирающая память об этом. Жизнь идёт, и действительно начинаешь верить, что главное – это работа. Вот вспомнилось, как не совсем удачно, но не совсем весело, но с приключениями, началось моё знакомство с профессией.

Фальстарт

Почти час блуждаю по посёлку геологов, под палящим солнцем конца сентября. Наконец, после расспросов редких прохожих, нахожу нужную организацию – несколько зданий барачного типа, покрытых побелкой. Вот и дверь с табличкой “Отдел кадров”.

– Вы по какому вопросу, молодой человек? – Спрашивает сидящая за столом женщина средних лет в очках.

– Хочу к вам на работу устроиться, – отвечаю, скользнув взглядом по лицу и невольно задерживаюсь на мощной груди, теснящейся в вырезе кофты. Затем, с трудом оторвавшись от чудесного зрелища, протягиваю документы.

Интерес видимо обоюдный. Кадровичка просматривает бумаги, периодически поглядывая на меня поверх очков.

– Что-то вы, молодой человек, припозднились. Двое ребят из вашего выпуска уже работают у нас техниками.

Вопрос конечно интересный, но не будешь же объяснять,

что ездил отдыхать на море и задержался. Да и вообще, после института был распределён в другой город, но там сильно не понравилось. Во-первых, далеко от дома, во-вторых постоянный пыльный ветер и режимная вода с полным отсутствием зелени деревьев. Ну и на закуску – грязная общага, вместо положенной квартиры. Короче открепился и решил искать работу поближе к дому.

– По семейным обстоятельствам, – приходится врать, – младшую сестру не с кем было оставить.

– Ну хорошо. Паспорт, диплом, военный билет, справка о здоровье. Полный комплект. – Говорит, поправляя волосы и вставая. – Пройдём к руководству, узнаем, что оно скажет. Я провожу.

Пропускаю её вперёд и иду следом по коридору. Судя по фигуре – бывшая спортсменка. Как потом выяснилось – гимнастка в прошлом.

Постучав, заходит, жестом показывая, чтобы я ждал её в приёмной. Через открытую дверь слышу, как объясняет ситуацию и получает указание:

– Оформите техником в первую. – Слышен голос невидимого начальника. – Пусть получит инструктаж по технике безопасности, спецодежду и выезжает сегодня с отрядом. У них срочный заказ на работу.

Несколько удивлённый таким приёмом – как же так, даже не взглянули на нового сотрудника, идём обратно в отдел кадров. Сажусь писать заявление о приёме на работу и зна-

комлюсь с зашедшим инженером по ТБ. Быстренько пройдя инструктаж и расписавшись в двух грессбухах, нахожу склад и получаю спецодежду. Куртка с брюками, геологические сапоги и спальный мешок.

На выходе меня встречает диспетчер. Невысокого роста мужчина, с округлым, простодушным лицом и светлыми глазами. Зовут Володя. Говорит, чтобы грузил полученное добро на бортовой уазик, стоящий в тени под навесом и шёл домой, собираться на работу. Узнав, что я живу в городе, сажает в старенький автобус КАВЗ, который едет собирать по домам работников полевого отряда. По дороге договариваюсь с водителем, чтобы забрал меня на обратном пути.

Быстренько пообедав и собрав всё необходимое в сумку, выхожу на дорогу. После недолгого ожидания, подъезжает наш автобус с тремя сотрудниками. Я четвёртый. Ловлю на себе оценивающие взгляды и слышу подколки, типа “на пляж собрался?”, хотя, как по мне, лёгкие штаны, футболка и сандалии в такую жару, самое то. Вижу среди шутников знакомое лицо – это Берды, окончивший наш ВУЗ на пару лет раньше меня.

– Паша, наш моторист, Сапар – мастер, – знакомит нас он, – а ты к нам кем?

– Техником, – отвечаю я, не скрывая, что страшно этим недоволен – и сколько надо времени, чтобы стать инженером?

– У меня два года ушло, – смеётся Берды. – Пока само-

стоятельно работать не научишься.

Принимаю всё это к сведению, хотя внутри остаётся злость на такую несправедливость. Столько учился и только техник!

Приехав на базу экспедиции, грузим сумки на бортовой уазик. Знакомлюсь с подошедшим начальником отряда. Серьёзный мужик, чуть выше среднего роста, сухопарый, загорелый до черноты, с резкими чертами лица и жёстким взглядом серых глаз. Зовут Валерий Семёныч.

– Грузитесь скорее. – Командует он. – И так придётся пол ночи до места ехать.

Расстелив спальные мешки, с трудом помещаемся вчетвером в кузове уазика. Всё заставлено сумками, парой каких-то ящичков и большой рессорой у заднего борта. УАЗ-452Д – грузовик с двухместной кабиной и деревянным кузовом, прозванный в народе «головастиком», был явно непригоден для перевозки людей. Это стало понятно, как только стемнело. Дневная жара с освежающим ветерком, сменилась ночной прохладой с пронизывающим, холодным ветром. Весь народ в кузове, как был в одежде, залез в спальные мешки. Я последовал их примеру...

Это было как в детском сне, когда ты летишь, тебе страшно, весело и захватывает дух. Но вдруг – бах! – падение, удар и катишься по твёрдой земле.

Какое-то время прихожу в себя, пытаюсь сообразить, что происходит. Вокруг всё как в тумане, рот и нос забиты пес-

ком, слышны чьи-то крики и стоны. Пытаюсь встать, но не получается. Наконец приходит понимание – я же в спальном мешке! Не расстёгивая клапана, ужом выскальзываю наружу и вижу жуткую картину.

В свете луны и горящих фар, через завесу пыли, наш бортовой узик лежащий вверх колёсами. Вокруг разбросаны ящики, сумки, спальные и самое страшное – сплюснутая посередине кабина, из которой слышны мат и крики о помощи. Бегу к машине и пытаюсь сообразить, что делать, с чего начать. На помощь приходит наш инженер.

– Выключи зажигание и фары. Не то сгоришь. – Орёт он, в окно водителю. Затем повернувшись ко мне. – Давай с Семёныча начнём. Он в отключке.

Вдвоём мы просто выламываем, приоткрытую пассажирскую дверь и оттуда вываливается начальник отряда. Оттащив его в сторонку, пытаемся повторить с водительской дверью – но её намертво заклинило. К нам присоединяется мастер, выбравшийся из спального мешка. В руках у него монтировка и дверь общими усилиями удаётся открыть.

Но это не всё. Орущего благим матом водителя узика зажал между рулём, крышей и капотом. Мастер достаёт из инструментального ящика, оказавшегося на уровне глаз, винтовой домкрат. Подложив деревянный брусок, с его помощью отжимаем крышу и вытаскиваем вконец изорвавшегося водилу, практически целого, только босиком. Геологические сапоги, в которых он был, зажал погнутыми педалями.

Вот так, началась моя работа в промысловой геофизической экспедиции. Этот первый, незабываемый выезд на работу, мог стать и последним. Но как говорится, все отделались лёгким испугом, кроме моториста Паши. Ему, лежащему в спальном мешке, досталось по заднице рессорой, которую везли как запчасть для ремонта ГАЗ-66.

Остальной народ, включая и двоих сидевших в кабине, был более – менее цел. Видно помог ангел хранитель и барханный песок, на который вылетел с шоссе узик, с уснувшим водителем.

Отправленный на попутке до ближайшего населённого пункта инженер, дозвонился до руководства и вызвал помощь, прибывшую к обеду следующего дня. Это станция, на базе ГАЗ-66 с кунгом – будкой с двумя окнами с каждой стороны и диванами под ними, в сопровождении инженера по безопасности движения. Зацепив тросом сбоку за раму, ставим узик на колёса и берём на жёсткий буксир. Пострадавшего больше всех моториста Пашу, кладём на крышку дивана и так заносим в салон, ставим на пол. Грузимся сами с вещами и в обратный путь, на базу. Нам везёт – стоит жаркая погода и все гаишники попрятались.

Поздней ночью, без приключений, добираемся до гаража экспедиции. Здесь уже ждёт знакомый автобус с водителем – развести нас по домам. Моториста, перед тем как отправить в больницу, инструктирует инженер по СБД. Что-то типа шёл, споткнулся, упал на задницу – бытовая травма.

На следующий день, с нами тоже провели беседу. О дорожном происшествии предложено забыть. Как будто ничего не было. Главный принцип – лишь бы никто ничего не узнал об аварии, случившейся из-за нарушения техники безопасности по перевозке людей. Это было ясно – вопрос понятен и усвоен ещё со студенческой скамьи!

Тогда всё, представлялось продолжением безбашенных институтских приключений. Вроде лазания на четвёртый этаж по решёткам, к девчатам, в общежитии текстильного комбината. Или ночного похода по горам, за выпивкой, на геологической практике. А ещё круче – угнать грузовик на военных сборах и сгонять за пивом в город. С тем-же принципом – чтобы никто ничего не узнал!

Только много позже, на собственном опыте, я понял, что в условиях экспедиционной жизни любая, даже незначительная ошибка, может привести к тяжёлым последствиям. Инструкции действительно написаны кровью, а везение не бывает бесконечным. Отсутствие запасной камеры, приводного ремня или не плотно закрытая канистра с водой, и ты будешь долго помнить, как пишется “memento mori”. Если сумеешь выжить и вернуться домой.

Моторист в больнице, у начальника отряда лёгкое сотрясение мозга и рана на голове, ну и остальные по мелочи. Короче – всех в отгул, до полного выздоровления. А мне, после непродолжительной беседы и очередной росписи в журнале по технике безопасности, теперь надо выезжать с другими

людьми.

Второй фальстарт

Отряд, в котором предстоит работать, состоит из четырёх человек. Я – пятый. Наша техника, стоящая на базе экспедиции, это две спецмашины. Станция, на базе автомобиля ГАЗ – 66 с будкой, набитой под завязку каротажной аппаратурой и трёхосный подъёмник ЗИЛ – 131, с большим барабаном бронированного кабеля. Знакомимся перед выездом. Мой новый начальник – Мухаммед, сокращённо Мухам, весёлый мужик с фигурой борца средневеса, инженер – Ораз, моторист и по совместительству мастер – дядя Ваня и наконец машинист Сабир. Путь предстоит дальний, поэтому выезжаем рано утром.

Дорога до места работы занимает почти два дня. Сначала 600 километров по асфальту и ночёвка у реки, перед заездом в пески. Затем, с утра подъём на огромные песчаные холмы, где ближе к вершине видим памятник военным вертолётчикам, погибшим здесь. Дорога, если можно это назвать дорогой – песок, размолотый в мелкую пыль тяжёлыми машинами, продолжается до буровой.

На месте выясняется, что скважина не готова. Начальник буровой во избежание неприятностей и штрафных санкций, выставляет трёхлитровый баллон спирта. Просит сутки – двое подождать, пока идёт ремонт. Наш начальник, не возражает. Быстро накрываем на стол и ожидание становится не таким томительным. На улице ветер и непогода, а в станции

тепло и уютно. После хорошего застолья, расслабившись, залезаю в спальный мешок и засыпаю.

Проснувшись наутро, не верю своим глазам. Вокруг всё замечено снегом. Рядом стоит наш инженер, одетый в ватник.

– Лезь на буровой станок, антенну от рации повесь, – говорит, протягивая моток медного провода с изоляторами на конце, – только поаккуратней, всё во льду.

Во время вчерашних посиделок мне подробно объяснили, что должен делать техник отряда. Погрузочно – разгрузочные работы, сборка скважинных приборов и оборудования, вымотка и смотка кабелей, подключение к сети буровой, заземление и так далее...

– “Прислуга за всё,” – так ёмко и обидно обозвал работу техника Мухам.

Установка антенны для радиосвязи было одним из пунктов обязанностей техника. Для чего выяснили, не боюсь ли я высоты, как обстоят дела с вестибулярным аппаратом. Делать нечего, выбираюсь из спальника и одеваю всё что нахожу в своей сумке. Поверх натягиваю полученные со склада геологическую куртку, штаны и сапоги.

Холодный ветер на буровой рвёт одежду, металлические лестницы покрыты льдом, сапоги скользят, с трудом удаётся добраться до первой площадки. Закрепляю один конец антенны к ограждению, а второй скидываю на землю, где её подбирает инженер и заводит в окно станции. Спускаться

приходится, пятясь задом, держась, замёрзшими даже в рукавицах руками, за поручни.

Трясаясь от холода добираюсь до станции. Теперь понятны шутки ребят – “на пляж собрался”. Надо было больше тёплых вещей брать из дома. Но кто-же знал, что погода так резко изменится.

Сеанс утренней связи в разгаре. Начальник передаёт сводку по отряду за сутки и в конце интересуется погодой на базе в городе.

– Утром солнечно, градусов двадцать пять тепла, – слышим мы голос диспетчера Володи, – а что у вас?

– Снег, минус пять и сильный ветер – отвечает Мухам, – это Карабиль, тут вам не равнина, здесь климат другой.

Звучит почти по Высоцкому, но от этого не легче. Время близится к двенадцати. Мы в полном составе, протапывая дорожку в снегу, отправляемся на обед в столовую буровиков. По разговорам среди народа выясняется, что ремонт из-за мороза невозможен. Автотранспорт стоит, дороги замело. Снега в низинах метр с лишним.

Плотно покушав и получив ценную информацию, что уехать с буровой не получится, начинаем сливать воду из радиаторов наших автомобилей. Оказывается, наши водители всю ночь, с промежутком в два часа, прогревали двигатели, чтобы вода не замёрзла.

Ближе к вечеру, у меня появляется озноб, болит горло, поднимается температура. Похоже утренний подъём на выш-

ку не прошёл даром. В нашей аптечке пусто, как и у буровиков. Начальник предлагает народное средство – в бутылку со спиртом бросает несколько стручков красного перца. После выдержки в пару часов, даёт выпить залпом стакан розовой жидкости. Не знаю сколько градусов получилось, но результат моментальный – горло и озноб прошли. Правда глаза чуть на лоб не вылезли. Для закрепления, выпиваю ещё пол стакана и под одобрительные крики начинаю бегать вокруг нашей стоянки.

В станцию возвращаюсь весь в поту. Раздевшись забираюсь в спальный мешок и баиньки. По замыслу отрядного лекаря, вместе с потом должна выйти и болезнь. Частично это получилось. Проснулся утром свежий как огурчик – болезнь ушла, но вместе с ней ушёл и голос. Вместо слов, слышалось какое-то сипение из сожжённого напрочь горла.

Увидев, а скорее услышав, плоды своего лечения, начальник отряда решает отправить меня домой. От греха подальше. Так совпало, что на базу буровиков едет огромный, с колёсами почти в рост человека, четырёхосный “Ураган”. Договорившись о поездке, сажает меня с вещами в правую, пассажирскую кабину. Водитель пытается объяснить, как с ним связываться по переговорному устройству.

– Микрофон не понадобится, – смеётся Мухам, – голоса нет. Ты не заблудишься в такую погоду?

– Дорога знакомая. Машина зверь! – Оптимистично заявляет водитель.

Но как оказалось в дальнейшем – оптимизм этот, от недостатка информации. Перед нами полнейшее бездорожье. Всё замечено и приходится пробивать дорогу в глубоком снегу на скорости, время от времени сдавая назад для разгона. Стараемся придерживаться нужного направления. Часов через пять пути, попадаем в низину, скрытую сугробом. Все восемь колёс вращаются, повиснув в воздухе. Двадцати тонный “Ураган”, гладким как у танка дном, спрессовал под собой снег и стоит, рыча мотором. Пытаемся сдать назад – безуспешно.

Приходится вылезать из кабин и проваливаясь по пояс, работать лопатами, убирая преграду движению. Сильный ветер и продолжающий идти снег, превращают наш труд в сизифов. Всё бесполезно. Время к вечеру и начинает темнеть. Забираемся назад в тёплую, левую, двойную кабину. Перекусываем горбушкой хлеба и чаем из термоса.

– Топлива маловато, – заявляет водитель, заглушив двигатель и обернувшись ко мне добавляет, – этот крокодил жрёт сто литров соляры в час. Экономить надо!

“Ну да, ну да, – на буровой этой солярки море, чего-же ты не заправился,” – подумал я, – а теперь что, замерзать!?”

Делать нечего, забираюсь в замасленный спальный мешок, отсутствующего напарника водителя. Выданный при условии, что буду его будить через каждые два часа. Прогреть двигатель. Так проходит ночь.

Как только рассвело, берёмся за лопаты. Погода улучши-

лась. В просветах облаков, светит солнце, ветра нет. Вдруг слышим звук работающего двигателя, и вскоре по пробитой нами колее, подъезжает бортовой Урал. На просьбу “дернуть” нас, следует категорический отказ, со ссылкой на слабое сцепление его машины.

– Лучше я вам на помощь Кировец с базы вышлю, – резонно предлагает он, – тут до асфальта осталось всего ничего.

Перебираюсь с вещами в Урал. Сдаём задним ходом и прокладываем новую колею по гребням барханов, где нет сугробов. А вот, уже знакомый подъём на возвышенность. Теперь мы по нему спускаемся к мосту через реку. Ещё пол часа езды и посёлок. Снега нет, от слова совсем. Всё растаяло, кругом лужи и грязь. Знаками благодарю водителя и прошу высадить у остановки. Повезло! Успеваю на утренний автобус до областного центра. Под удивлённые взгляды присутствующих, жестами объясняю на кассе, куда нужен билет.

Видок, конечно ещё тот, после бессонной ночи. Да и запах солярки. Поэтому забираюсь на последний ряд сидений и засыпаю. Будят меня уже в городе, на автостанции. Как в немом кино, повторяется весь процесс приобретения билета и дорога в семь часов до дома. Поздним вечером, прибываем на место. Покидаю междугородний автобус, пол часа пешим ходом и ... Дом, милый дом! Вещи в стирку, сам в ванну.

Все вопросы потом. Ведь вселенная заботится и думает обо мне – если что-то не получилось, значит, я избежал ка-

ких-то неведомых проблем. С этими мыслями, спокойно лёг спать и проснулся утром полный сил. Готовый к новым поворотам судьбы, сказав себе: получится – хорошо, не получится – ещё лучше.

Так, не совсем удачно, началось моё знакомство с профессией. Однако, процесс взросления был запущен. Это никогда не расставаться со своим спальным мешком и всегда иметь запас тёплой одежды. Одеваться максимально тепло при любом понижении температуры, потому что некогда болеть.

Фонтан

Утренний сон – самый сладкий. Хочется ещё полежать в тепле спального мешка, застёгнутого на все клапана. Однако, судя по требовательному стуку в закрытую дверь станции, придётся вставать. Первым, с матюками, поднимается наш начальник. Сквозь полудрёму слышу, как он, открыв дверь с кем-то разговаривает. Диалог, практически полностью состоит из междометий и идиоматических выражений. Выбираюсь из спальника в холод салона. Одеваюсь, продолжая прислушиваться и пытаюсь понять в чём дело?

– Подъём, – закрывая дверь, говорит Мухаммет, – собираемся и едем на тринадцатый номер.

– Зачем? Мы же только оттуда, – раздаётся сонный голос инженера, выглядывающего из мешка, – всё отстреляли, закончили как положено...

В ответ, начальник молча показывает рукой в окно, за которым видно зарево, как от рассвета. Только восток в другой

стороне... И тихий гул... Быстро собираемся и едем. Ещё в дороге понимаем, что случилось непоправимое.

Останавливаемся за полкилометра, до того что было устьем скважины со станком опробования. Всё вокруг завалено порванными, погнутыми, искорёженными чудовищной силой трубами и железом. А венчает картину полного разрушения, огромный факел огня, жар которого чувствуется даже на расстоянии. Жар, прожёгший дыру в низких облаках, сжигающий перелётных птиц как мотыльков над свечой... И мощный гул, от которого трясётся всё внутри. Стоим молча, потому что разговаривать невозможно – всё заглушает грохот вырывающегося на свободу газа.

Только вчера, мы закончили здесь работу. Вокруг царил тишина и покой, нарушаемые время от времени мотором нашего подъёмника. Закончив, вечером переехали отдохнуть на базу опробования, где было электричество от дизель-генератора. Видимо, в это время и произошёл внезапный выброс. Чудовищное давление газа, выдавливало трубы из скважины вертикально вверх. Поднимаясь в воздух, они ломались под своим весом, и теперь как огромные, скрученные макароны, лежали вокруг.

Постояв некоторое время, возвращаемся назад. Выходим на связь по радиостанции и сообщаем о происшествии. Наше руководство уже в курсе и даёт команду выезжать на базу экспедиции. Что мы и выполняем. Усталые, ближе к обеду следующего дня, добираемся до места. Но отдохнуть нам

не дают. Сначала все вместе пишем объяснительные. Затем, каждого поодиночке, расспрашивает комиссия из министерства. Больше всех досталось конечно, начальнику отряда и мастеру. Все уже были в отгулах, а их всё таскали на собеседования.

Когда оргвыводы были сделаны и всё закончилось, мы продолжили выезжать на заказы. За время совместной работы я многому научился, вписался в наш маленький коллектив, ближе сошёлся с людьми. Привык к бессонным ночам, отсутствию чёткого графика и нерегулярному питанию. Ощущению, что, когда уезжаешь работать вахтой, вся жизнь проходит мимо тебя. Не все это выдерживали.

А скважина продолжала гореть уже три месяца. За это время потушить её пытались несколько раз, но неудачно. В начале весны, ещё одна попытка. Нужны геофизики и посылают нас. С шутивным напутствием – вы начали, вам и заканчивать. Погода облачная, отражение зарева на облаках от горящей скважины видно за двести километров. Не заблудишься.

Приехав на место, мы его не узнали. Искорёженные трубы и металл убраны, устье очищено. В песках вырос целый городок из вагончиков. Огромное количество разнообразной техники, начиная от танков без башен, пары пушек и кончая грузовиками с установленными на них ракетными двигателями. По номерам на автомобилях, можно было изучать географию. Народ съехался отовсюду.

Нас встречает дежурящий здесь отряд. Ребята объясняют, что к чему, вводят в курс дела. Восторженно отзываются о местной столовой с московским снабжением и дармовой выпивкой, которую выдают тем, кто работает на скважине. Наркомовские сто грамм, в виде бутылки коньяка.

Но особое восхищение, вызывают главные люди на пожаре, так называемые “смертники” – мужики, работники воензированной противодонной службы. Это они, одетые в серебристые скафандры, под струями воды из брандспойтов, расчищали территорию. Убирали повреждённое и установили новое устьевое оборудование, непосредственно под горящим факелом. Вот им, в основном и достаются те сто грамм. А наш народ ходит к ним в гости. Выпьют и поют потом песни на весь лагерь, под аккомпанемент гула скважины.

Этими “смертниками”, к нашему приезду, все и подготовлено для ликвидации аварии. Теперь газ горит на конце двух труб, метров по сто – выкидов – по разные стороны от скважины, а не над её устьем. Спущен в скважину специальный, утяжелённый инструмент с клапаном на конце, не позволяющий газу попасть во внутрь. Наша задача – взрывом его уничтожить. Это даст возможность, стоящим наготове насосам, закачать глинистый раствор и его давлением прервать поступление газа из скважины.

Но...как всегда, как-же без этого, но ... В последний момент, выясняется, что у специнструмента внутренний диаметр меньше, чем у обычного, за счёт большей толщины

стенки. И вот картина маслом... Всё готово, все ждут нас, а мы всей бандой, строгаем ножами взрывчатку – гексогеновые шашки – до необходимого диаметра. Руководит, категорически запрещённым всеми инструкциями процессом, наш главный инженер. Прибыл накануне, по указанию министерского начальства, для ускорения работ, и вот на тебе...

Слава аллаху, всё обошлось! Торпеда соединена с нашим кабелем, пропущенным через специальное устройство – лубрикатор. Его задача, не пропускать газ наружу во время спуска вниз. Подъёмник установлен метрах в ста от устья. В нём остаются машинист, начальник отряда и главный инженер. Начинаем спуск торпеды...

Но... На этот раз, ошибку допустили мужики противofонтанщики... Они, не зафиксировали тормоз у лебёдки бурстанка. В результате крюк, на котором висит наш ролик с кабелем, поехал вниз и с разгона ударил по лубригатору, сломав его.

Удар – бум! – белое облако и свист газа... трубы, мгновенно побелевшие от инея... “Смертники”, оправдывая своё прозвище, как мураши кидаются к устью. Наш народ соответственно, даёт дёру, в другую сторону. Все замирают в ожидании взрыва... Одна искра и всё...

Они молодцы! Успевают перекрыть скважину, остановить поток газа. Вся предыдущая работа насмарку. Всё надо начинать заново. Повторный спуск торпеды, начинаем поздним вечером. Всё идёт штатно. И вот кульминация – подрыв и

начинают работать насосы.

Время, как будто остановилось, в ожидании результата... Минуты, томительно тянутся, как часы ... Наконец, на срезе выкидов появляются плевки раствора. Пламя начинает уменьшаться, гаснуть ... и пропадает совсем. Тишина... До звона в ушах ... Нет, слышен звук работающих насосов, но это ничто, по сравнению с тем, что было...

Утром следующего дня, руководитель ликвидации фонтана, проводит заключительное собрание. Благодарит за работу, прощается и предлагает больше не давать тринадцатых номеров скважинам. Дальше, по всем документам, она проходила как одиннадцатая ...

Через какое-то время, по мотивам этой аварии, сняли фильм. К сожалению, не помню названия. Нам повезло, что вся та бестолковщина, происходившая на скважине, туда не попала. Но всё хорошо, что хорошо кончается. Приобретается опыт, что дорогого стоит. Были и ещё подобные аварии. Наверное, и будут...

Детектив с радиацией

Прошёл год, как работаю в геофизике, потихоньку поднимаясь по карьерной лестнице. Меня повысили до инженера-геофизика и перевели в другой отряд. Вообще, это в порядке вещей. Кто-то увольняется, переходит на другую должность или болеет. Так пошёл на повышение Мухам и теперь руководит всеми отрядами.

Мой новый начальник, Николай, молодой мужик, блон-

дин среднего роста, с совершенно детским лицом, под густой порослью волос. Для скрытия возраста и пушей важности. За что и получил прозвище “Борода”. Любитель охоты и рыбалки. Эдик, наш второй инженер, полная противоположность. Домосед, пытающийся при первой возможности, откосить от выезда в поле. Что в общем-то мне на руку – скорее научусь работать.

Машинистом и мотористом у нас, Костя и Юра, – высокие, здоровые, светловолосые, улыбчивые парни. Мастером Антон, невысокий брюнет, живчик по характеру. И дали, на время производственной практики, студента Женю. Старательный, аккуратный, исполнительный парень. Мы не могли на него нарадоваться. В станции подметёт, подъёмник поможет, обед приготовит. Короче, наш человек.

После происшествия с фонтаном на тринадцатом номере, было решено развернуть на этой перспективной площади разведочное бурение. Притащили несколько больших бурстанков, а наша экспедиция обеспечивала геофизическое сопровождение. За один выезд в поля, приходилось отрабатывать несколько скважин.

В очередной поездке, надо было провести исследования с применением источника радиации на двух из них. Эдик, под предлогом, что нас и так много, решил остаться в городе. Мол, спальных мест всем не хватит. Хотя было ясно, что дело в источнике – работали с которым по очереди все члены отряда. Для уменьшения индивидуальной дозы облучения.

После отработки первой скважины, переехали на вторую, а там и третью. Моя очередь работать с источником, а его нет в контейнере. Такой матрёшке, представляющей из себя металлический цилиндр, заполненный парафином, с отверстием посередине, куда вставляется другой вкладыш, поменьше, с дыркой сбоку. Вот в этой дырке и должна была находиться капсула. А её нет!!!

Бегу докладывать Николаю. Начинаем поиск вдвоём, затем подключаются все члены отряда. Пропустили через пальцы весь песок в округе, осмотрели подъёмник, где его перевозили – нет нигде! Решаем искать с помощью скважинного радиометра – прибора весом девяносто килограмм, длиной три метра и диаметром почти десять сантиметров. Для работы в паре с ним и предназначен источник нейтронного излучения, представляющий из себя цилиндр диаметром два и длиной три сантиметра из нержавеющей стали.

Разбиваем площадку перед буровой на квадраты по два метра. Вчетвером таскаем по ним наш прибор, привязанный для удобства переноски к двум лопатам. Николай сидит в станции, смотрит за показаниями на регистраторе. Всё глухо! Прошло уже четыре часа, как мы в поисках, а результата нет! Никаких следов радиации. Решаем остановиться, по быстрому пообедать и заодно обсудить ситуацию.

– Кто последний видел источник? – Спрашивает начальник, не отрываясь от приёма пищи.

– На первой скважине я вытаскивал и заряжал. – Отвечает

с полным ртом наш мастер Антон. – Очередь была моя, а относил к контейнеру Женя, практикант.

Тут надо сказать, что иметь дело с радиацией никому не нравится. Особенно, если есть возможность загрузить этой работой практиканта. За один, два раза его не убудет. Даже, если у него нет допуска к такой работе.

– Всё сделал как ты мне показал, – уверяет практикант, отмахиваясь от незаслуженных подозрений.

Кто-то вспоминает, что контейнер могло растрясти в дороге, вот источник и выпал. От безысходности, решаем проверить все дороги, пройденные за эти дни. Устанавливаем работающий, переносной генератор УД на 220 вольт в подъёмник ЗИЛ-131 и запитываем станцию с регистратором. Привязываем прибор спереди, к бамперу ГАЗ-66, соединяем всё кабелем. Едем потихоньку, гуськом, чтобы не оборвать и не растрясти всю конструкцию.

Проверив дороги, к утру следующего дня приезжаем на буровую, с которой начали работу и обследуем её вручную. Безрезультатно! Выходим на связь с базой – информируем о происшествии. К нам на вертолёте вылетает помощь, в лице начальника участка и ремонтника, с двумя переносными радиометрами. Дают ещё сутки на поиски. Затем будет объявлена радиационная авария. Подключатся гражданская оборона, милиция и остальные органы, вплоть до вояк.

Короче, полная жо ... задница. Николай конечно в трансе – светит реальный срок за утерю радиоактивного источника

нейтронов. Да, тут ещё фокус в том, что нейтроны не регистрируются напрямую, а только через вторичное, наведённое излучение в виде гамма-квантов. И мы спокойно могли не заметить этого в дороге.

По приезду помощи, начинаем более детальный поиск. Квадраты разбиваем по два метра. Потом по метру. Осматриваем всё подряд, каждый вагончик, столовую и кладовки. Буровики уже в курсе происшествия. С ними проведена беседа, чем грозит контакт с источником. Хотя та вахта, с которой мы работали в начале заезда, уже в отгулах.

Улучив пару свободных минут, сажусь в сторонке от всех, под растяжкой от буровой, перекурить. Подходит мужичок – дизелист, судя по замасленной одежде.

– Как понять, что облучился. – Спрашивает гортанным голосом горца.

– Жарко становится, потеешь, хочется пить всё время, – отвечаю коронной шуткой о лучевой болезни.

Он испуганно смотрит на меня, понятиливо кивает и уходит. Не оценил мой юмор! На улице градусов сорок жары и наблюдаются эти симптомы у всех, кто на солнце работает.

Утро. Отпущенное нам время вышло. Все набились в станцию в ожидании утренней связи. Мухам – наш новый начальник участка – держит в руках трубку. И... О чудо ... В проёме двери появляется наш ремонтник Лёха, а в протянутой к нам открытой ладони – маленький блестящий цилиндр – наш источник. Пока мы жевали сопли, в ожидании неиз-

бежного конца, он решил последний раз обойти площадку перед буровой. Буквально в десяти метрах от порога станции, завершал радиометр и ... вот он источник.

Бурная радость всех присутствующих. Обещание отблагодарить Алексея по приезду на базу, выписать премию, объявить благодарность в приказе ... Сообщаем добрую весть диспетчеру. Потихоньку уходит напряжение последних дней. Идём всей бандой возвращать источник на место. Достаём вкладыш, вставляем его сбоку и опускаем в транспортный контейнер. Закрываем всё это дело на навесной замок. Видим, что наш практикант чем-то озадачен. Спрашиваем в чём дело?

– Ты же не говорил, что сбоку вставлять, – держась за голову, говорит он, обращаясь к нашему мастеру, – я его просто бросил вовнутрь и прикрыл вкладышем!

То есть, получается, бросил на песок, да ещё и придавил сверху. Все в ох.. э.. обалдели. Мухам, мягко высказывает на это свою точку зрения, покрыв присутствующих отборным матом. Все стоят с выражением покер фейс. Выслушав до конца, мнение руководства о наших умственных способностях, расходимся. Нам надо ехать, продолжать работу. Помощников, в лице Мухама и Лёхи, заберёт вертолёт.

Но вот, что интересно. То место, где нашли источник, мы обследовали не менее десятка раз. Лёха, обнаружил излучение переносным радиометром за семь метров. Значит его там раньше не было. Думается, что его подбросили.

Многие считают, что геофизик – полевик очень романтическая профессия. Знание электрических, акустических, радиоактивных и прочих методов исследования. Широкий кругозор, умение работать со взрывчаткой и радиацией. Всё это так, да не совсем так. Кроме физической силы, выносливости, ума, частые внештатные ситуации забирают много нервной энергии, требуют устойчивой психики. Полевая жизнь редко прощает раздолбайство и ошибки. Но в этот раз пронесло.

Рыбалка

Что это мы все о работе, да о работе. Поговорим о рыбалке.

В конце лета, на выезд с нами напросился инженер по безопасности движения Ислам. Среднего роста, худощавый и черноволосый мужик. Молчаливый поначалу, в чистой, приличной одежде при галстуке – должность обязывает – он резко выделялся в нашей разношёрстной, весело галдящей компашке. Пески, бездорожье, частые поломки машин – вот его и прислали выяснить причину.

До скважины доехали нормально. Отработали без приключений, а вот на обратном пути, отказал гидроусилитель руля на подъёмнике ЗИЛ-131. Хотели запросить ремонтников, но Ислам предложил продолжить движение.

– Когда в армии срочную служил, водил ЗИЛ-157, – сказал он, перебираясь на место водителя, – там вообще усилитель не предусмотрен. Учитесь салаги.

Учёба продолжалась недолго. До первой кочки. Пытаясь удержать крутнувшийся руль, въехал локтём в дверь. После этого, он вынужден был признать нашу правоту. Однако понимая, что продолжение движения возможно, за руль вернулся Костя – наш машинист – со словами:

– Лучше плохо ехать, чем хорошо стоять, – и с усмешкой, обращаясь к придерживающему больную руку Исламу, – держись учитель.

Так, потихоньку добрались до гравийки, где Николай предложил заехать по пути на озеро – порыбачить и отдохнуть. Тем более, что машинист пожаловался на усталость от рвущегося из рук руля. А надо сказать, что для рыбалки и охоты всё, всегда было у нас с собой. Удочки, закидушки, бредень и даже вертикалка двенадцатого калибра с патронами – полный комплект короче. На всякий случай, но не в этот раз. Хотя рыбалка вышла очень удачной.

А в помощь Косте, дали моториста и отправили ЗИЛ тихим ходом на базу. За руль станции сел Николай, благо до озера оставалось километров пять. Поднявшись на дамбу, увидели две группы людей, по противоположным берегам. Тут надо уточнить, что озером мы называли водохранилище. К нашему приезду, всю воду разобрали на полив. Осталась узкая полоска жидкой грязи, кишевшая рыбой.

Только подъехав вплотную, мы поняли, что происходит. Народ на берегу, зацепив один край длинной сети за мотоцикл Урал, а другой за самосвал Зил, тащили её вдоль лужи.

Мужики, в прямом смысле черпали рыбу, не обращая на нас внимания. И тут, в полной красе, показал себя Ислам, наш инженер по безопасности движения.

– Вы где сеть взяли? – Обратился он к ближайшему к нам мужику, собиравшему рыбу в мешок. – И когда освободится?

Видимо, спросил без задней мысли, рассчитывая тоже ею порыбачить. Однако удивила реакция рыбака на простой вопрос.

– Дайте ещё пару раз забрести, – начал он просить его с мольбой в голосе. – Ваша доля тоже будет. Можете брать на выбор.

Ислам, одетый в чистую, белую рубашку, чёрные брюки и туфли, на нашем чумазом фоне выглядел большим начальником.

– Ладно, только не задерживайте! – Уверенно и нагло, не растерявшись, начал он давать указания черпальщикам. Обернулся к нам и подмигивая, – чего стоим, давайте выбирайте.

Немного охренев от такого поворота, начали выбирать лучшую рыбу, которую к тому времени вытащил сетью на берег, перемазанный в глине народ. Заполнили чехлы от спальных мешков сазанчиками, а средних размеров сомов, накидали на пол станции, предварительно застеленный камышом. Не забыли забрать и сеть, подождав, пока опустошат до конца лужу.

Рыбаки тоже остались довольны. Набрали полный кузов самосвала, пару мешков увёз мотоцикл. Сильно благодарили, за возможность порыбачить “нашей” сетью. На том и разошлись.

Вся база, весь следующий день занималась разделкой, засолкой и сушкой рыбы. В ход пошли фляги из-под воды, кастрюли, и вёдра. Вместо белья, сушилась рыба, укрытая марлей. Все пологи от комаров на это ушли. Ну и конечно уха. Как же без неё. Двойная, тройная, чтобы ложка стояла. А жареные сомики. Ммм ... Объелись так, что потом неделю на рыбу смотреть не могли. Такая вот вышла рыбалка на шармачка.

Хотя, обычно летом, когда хотелось разнообразить меню, мы рыбачили на поливных каналах. Или, как их называют народ, арыках. В сезон, когда пускают воду на поля, туда заходит рыба из основного канала. Затем перекрывают, а рыба остаётся и собирается в ямах. Вот в них-то мы и ловили, в основном белого амура. Перегораживали русло срезанным камышом и проходили бреднем.

Ну а в самую жару, когда рыбе нечем дышать и она стоит на мелководье открыв рот, был другой способ. Схватить за жабры и выкинуть подальше на берег. Правда, была опасность схлопотать хвостом амура нехилого “леща”. Что неоднократно и происходило. Рыбка-то не мелкая, килограмм на пять-шесть, а то и побольше.

Но это всё развлечения для желудка. Для души была ры-

балка с удочкой. Посидеть в тишине, ранним утром или на закате вечером. Никуда не спеша, забыв о времени, неторопливо думая о чём-то своём, вполглаза следя за поплавком. И вдруг – это всегда внезапно – поклёвка, бег времени ускоряется, вскакиваешь на ноги, подсекаешь ... Непередаваемое ощущение, когда рыбёха уже на крючке и ты ведёшь её к берегу... Чтобы понять все эмоции, надо самому поймать свою первую рыбу.

К тому-же рыбалка, позволяет, нет даже требует пропустить сто грамм для удачи. А фантастические рассказы после удачной рыбалки. Это-же отдельный вид искусства. Барон Мюнхгаузен отдыхает. Бесконечные споры о снастях и удочках. Да и упоминание о собственноручно выловленном обеде не будет лишним.

Люди песков

Для ускоренной разведки нового газового месторождения, поближе к нему, была открыта наша полевая база. Добирались мы теперь на работу вахтовым самолётом АН-2. Посадочная полоса находилась буквально в двухстах метрах от наших вагончиков. Что частично компенсировало двухчасовой перелёт в гремящем, гудящем, ныряющим в воздушных ямах кукурузнике. Не каждый желудок это выдерживал.

Однако, это были не все неудобства. Первое время, в течении нескольких дней по приезду на новую базу, весь народ страдал от поноса. Причина оказалась в воде из скважины, пробуренной к нашему приезду и содержащей бертоле-

товою соль. Установил это химический анализ пробы, взятый гидрогеологами. Поэтому использовать её решили только для технических нужд. А для нас, пришлось доставлять пресную, качественную воду автомобилем – водовозкой.

Хотя местные – аборигены, использовали воду из нашей скважины без всяких последствий для организма. Население, было частично представлено ... немцами, переселившись сюда во времена до исторического материализма. Народ в основном компанейский, чисто говоривший на местном и русском языках. Корни свои вспоминали по праздникам, особенно на рождество. Плясали в бабушкиных нарядах и пели песни, типа “ май либер августин”. Были и переехавшие из Поволжья, в голодные годы, но в меньшинстве.

Попадалась и более экзотичные личности. Так однажды летом, заплутали в песках и остановились спросить дорогу у чабана, пасшего отару овец. Как гостеприимный хозяин, он радушно пригласил нас выпить чаю и угоститься говурмой. Свободное время у нас было. Жара – машины греются, нужно постоять, остудить двигатель.

Расположились на кошме, под небольшим брезентовым навесом, растянутом в зарослях саксаульника. Он быстро развел костёр, чтобы вскипятить тунчу. Предложил перекусить жаренной зайчатинной и говурмой, посетовав, что хлеба мало – надо бы испечь, да не из чего.

– Помощник пошёл за мукой в посёлок, – выставляя угощение на протёртую на сгибах клеёнку, оправдывался он, –

должен завтра быть.

– Тащи из мешка в станции четыре буханки. – Решил выручить пастуха Николай. Отправив нашего моториста за хлебом. – А зайчатина откуда? На охоту ходили?

– Да, только не я, – указывая на маленькую, худенькую собачку, лежащую в жиденькой тени саксаула, – а вот он, Гаплан.

Гаплан в переводе – тигр, чему собачка совсем не соответствовала.

– Это борзая, породы тазы. – Поглаживая собаку по длинной морде. – Наша кормилица. Каждое утро, пока прохладно, по зайчику приносит. Ей внутренности, а нам всё остальное.

– А как же алабаи, – поинтересовался Николай, – не ревнуют?

– Тазы для охоты, алабаи для охраны. Живут дружно, хотя по молодости пытались отобрать добычу у Гаплана. Но его разве догонишь. Тем более, им тоже перепадает свежатинки. – Объяснял чабан, разливая по пиалушкам чай из тунчи.

Тунча, достойная отдельного описания, внешне похожа на амфору. Изящный сосуд с шарообразным туловом, раструбом для налива воды, прикрытым крышкой и круглой площадкой в нижней части, узким горлышком и одной вертикально поставленной ручкой. Сделанный обычно из чугуна или алюминиевого сплава. Первоначально серебристого цвета, со временем, от долгого стояния в костре, становящийся

угольно чёрным.

Летом тунча спасала от жары и жажды, заставляя потеть, и этим поддерживала терморегуляцию организма. Зимой, когда зябли, спасала от холода, согревая пламенем костра и горячим, «горным» чаем. Запасы этого, так называемого чая, наш начальник Николай делал ранней весной, собирая дикорастущую мяту, верблюжью колючку и ещё какие-то травы. Во время продолжительных ночных работ, для поддержания сил, в заваренный чай добавляли пару столовых ложек «говурмы».

«Говурма», как блюдо, требует своего рассказа. Появилось оно в седой древности, по причине отсутствия у кочевников холодильников. Любое жареное мясо – обычно баранина или говядина – залитое растопленным курдючным жиром – ммм ...вкуснотища!!! – получают отличные консервы. Перед выездом скидывались всем отрядом, покупали небольшого курдючного барашка и готовили. Или уже на вахте, в свободное время. Использовали для быстрого приготовления любых блюд. Ну и в горячий чай добавляли. Соль и перец по вкусу. Получался своего рода суп «Ролтон», быстрого приготовления. Но только из экологически чистых, натуральных продуктов.

Вкуснее всего, получался чай и говурма приготовленные на огне из дров саксаула, которое даёт при сгорании не едкий, а приятно пахнущий дым. К тому же единственного дерева, которое можно найти в пустыне. Да и любое блюдо, да-

же хлеб испечённый в горячем песке от костра, становится аппетитнее. А какой аромат у шашлыка из молодого барашка ...! Небольшой запас таких дров, всегда возили с собой, в машине.

По теплоотдаче, плотный и тяжёлый саксаул равен углю, поэтому его всегда использовали как топливо в быту. А также использовали в паровозных топках и обкладывали колодцы, чтобы защитить их от песка. Вообще, саксаул бывает двух видов. Белый – крупный кустарник или небольшие деревья высотой 1,5—2,5 метра и чёрный – оджар, который больше по размерам, но встречается реже.

В пустыне мало растительности и заросли саксаульника и песчаной акации являются единственным местом, где могут спрятаться животные. Соответственно и лучшим местом для охоты, позволяющей накормить народ дичиной. Но особо увлекаться не приходилось. Например, пережрав дармовой зайчатины, можно было получить пару дней поноса в подарок.

Вот в таком саксаульнике, мы и гоняли чай, коротая время в беседе о последних новостях. Надо сказать, что самое лучшее в жару это горячий чай, с каждым глотком которого уходит жажда, забываешь об усталости. Так, в неторопливом разговоре за пиалушкой чая, поинтересовались необычной внешностью чабана – светло-соломенные, почти белые волосы и брови, на загорелом до черноты лице.

– Я не местный. Курземский латыш из Прибалтики. – Вы-

тирая рукавом халата пот, крупными каплями катившийся по лбу и продолжая пить чай. – У нас там все такие.

– А сюда каким ветром ... Война?

– Нет, раньше, перед войной. Выслали. Когда нашего президента, тогда и меня.

– Какого президента? – Переглянулись мы в недоумении. – Какого вашего?

Поняв, что разговор свернул не туда, чабан ушёл от ответа. Сослался на старческую забывчивость. По нашим прикидкам, ему было за шестьдесят, хотя внешне выглядел очень неплохо. Высокий, широкоплечий и большерукий, с как будто выгоревшими от солнца, светло голубыми глазами на загорелом лице. Дорогу указал верную, с подробным описанием колодцев, через которые надо проезжать. Хотя местным и не нравилось, когда наши тяжёлые машины разбивали их дороги.

Колодцы служили для нас основными ориентирами в бескрайних просторах пустыни. В песках их много. Между ними пролегли более-менее накатанные дороги. О некоторых из них знали только местные пастухи. Возле колодцев с пресной питьевой водой строили дома или ставили кибитки чабаны-чарвадары, а то и целые посёлки там появлялись. Приближение к ним было заметно за несколько километров по совершенно голым, без единой травинки сыпучим пескам. Всё подчистую съедено отарами овец и вырублено на дрова.

Скотоводство – основное занятие кумли – людей песков

в переводе. Кочевой образ жизни, суровые условия проживания в пустыне многих поколений, сформировали особый тип характера. Народ в основном простой, дружелюбный и гостеприимный. С такой же простотой и доступностью в продуктах и блюдах, основой которых является мясо. Баранина, говядина, верблюжати́на или дичина в виде мяса джейрана и кролика. Особой популярностью пользовались ишлекли – мясной пирог, запечённый в горячем песке от костра. Ну а из напитков, конечно, холодный чал из верблюжьего молока или горячий зелёный чай.

Хотя, последние годы и на скважинах было немало кумли, работающих бурильщиками, помбурами, дизелистами. В связи с тем, что хорошо ориентировались в песках – водителями на машинах и тракторах геологических, буровых, строительных организаций. Правда, такие постепенно перебирались поближе к кассе, становясь городскими жителями.